

Е. В. Лытко

(Минск, Белорусский государственный университет)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА ДАВИДА В «НОВЫХ СТИХОТВОРЕНИЯХ» Р. М. РИЛЬКЕ

Мировая литература, в особенности европейская, теснейшим образом связана с Библией, неслучайно именуемой Книгой Книг. Еще Гёте говорил о Библии и ее событиях: «Возможно, кто-нибудь и задастся вопросом, с какой стати я еще раз обстоятельно излагаю эти общеизвестные истории, часто уже пересказывавшиеся и толковавшиеся. На это можно только ответить, что по-иному я не сумел бы объяснить, как при моей рассеянной жизни и беспорядочном учении мне все же удалось сосредоточить свой ум и свои чувства на чем-то одном и в этом обрести успокоение, к тому же я не мог бы иначе воссоздать мир и тишь, меня окружавшие, вопреки буйным и удивительным событиям во внешнем мире. Когда неутомимое воображение, а о нем и свидетельствует мой пересказ, меня толкало то в одну, то в другую сторону, когда эта смесь басен и истории, мифологии и религии грозила окончательно сбить меня с толку, я тем охотнее спасался бегством в восточные страны, погружаясь в книги Моисея, чтобы там, среди кочевья пастушеских племен, пребывать одновременно и в одиночестве, и в большой, разношерстной компании» [1, с. 160].

Многие известные писатели, художники, скульпторы, композиторы и другие творцы культуры широко использовали и используют библейские тексты и их сюжеты в своих произведениях. Одним из таких творцов был великий австрийский поэт сложной, переломной эпохи рубежа XIX–XX вв. Райнер Мария Рильке. Его творчество чрезвычайно разнообразно в плане проблематики и стилистики. Так, например, в сборнике «Новые стихотворения» (1905–1907) поэт поставил перед собой задачу через «стихотворение-предмет» («Ding-Cedicht») выразить все многообразие природы и культуры, все виды движения – от механического до органического, а также до самых высоких проявлений человеческого духа. Именно поэтому в «Новых стихотворениях» находят место мотивы, посвященные городам и архитектурным памятникам, картинам французских живописцев, древнегреческим мифам, событиям и образам из Библии. «Они (все равно в страдании или в торжестве) поражают нас мощью человеческих страстей. Это титаны, далеко превосходящие обычный масштаб поступков и действий», – пишет Г. И. Ратгауз о героях поэзии Рильке [2, с. 392].

Одним из библейских образов, ярко репрезентированных в «Новых стихотворениях» Рильке, стал образ знаменитого царя Давида. Этот образ довольно широко представлен в различных национальных культурах. Он

является одним из самых ярчайших и полнокровных библейских образов. К нему активно обращаются в литературе, скульптуре, изобразительном искусстве, музыке. В этом ряду – знаменитая скульптура Микеланджело, картины Рембрандта, Тициана, оратория «Царь Давид» французского композитора Артюра Онеггера и многое другое. Давид воспринимается как легендарный герой, искусный поэт и музыкант, несчастный страдалец, человек, наделенный неистовой силой чувств, безутешный отец, тонкий дипломат и политик, великий государь и военачальник. И всех этих определений все же недостаточно, чтобы передать сложный характер царя, нарисованный библейским повествователем. «В Танахе Давид предстает очень разным, в разнообразных ситуациях, иногда весьма двусмысленных. Это человек великодушный, щедрый, тонко чувствующий, совестливый, искренне верующий, но в то же время неистовый, властный, хитрый тактик, не пренебрегающий иногда сомнительными средствами для достижения своей цели», – пишет Г. В. Синило [3, с. 544].

Совершенно закономерно образ Давида привлекает Рильке. Уже в самом начале «Новых стихотворений» перед читателем предстает стихотворение «Abisag» («Ависага»), состоящее из двух частей и поражающее глубиной своих чувств.

Ависага (Авишаг) – необычайно красивая девушка из колена Иссахарова, которая была избрана для служения состарившемуся царю Давиду. Ависага была специально найдена в Сунаме (Шуламе), славившемся, вероятно, своими красавицами (отсюда ее прозвище – Сунамитянка). Несмотря на свое предназначение, девушка осталась девственно чиста. Позднее народное сознание отождествит ее с загадочной героиней Песни Песней, прекрасной шуламитянкой, ставшей в сознании культуры Суламифью. В Библии сказано: «Когда царь Давид состарился, вошел в преклонные лета, то покрывали его одеждami, но не мог он согреться. // И сказали ему слуги его: пусть поищут для господина нашего царя молодую девицу, чтоб она предстояла царю и ходила за ним и лежала с ним, – и будет тепло господину нашему, царю. // И искали красивой девицы во всех пределах Израильских, и нашли Ависагу Сунамитянку, и привели ее к царю. // Девица была очень красива, и ходила она за царем и прислуживала ему; но царь не познал ее» (3 Цар 1:1–4; *здесь и далее Синод. перевод*).

В первой части стихотворения Рильке ведущим образом выступает образ самой Ависаги. Автор подчеркивает ее молодость, невинность и, возможно, в какой-то мере наивность, что особенно ярко высвечивается в выражении «ihre Kinderarme» – «ее детские руки» («руки ребенка»). Очень выразителен контраст с царем, который описан как «der Welkende» – «увядающий, вянувший», который с каждым мгновением все ближе к закату своей жизни:

Sie lag. Und ihre Kinderarme waren
von Dienern um den Welkenden gebunden,
auf dem sie lag die süßen langen Stunden,
ein wenig bang vor seinen vielen Jahren. [4, с. 14]

Она – дитя – на старце возлежала.
Ей слуги руки вокруг него обвили.
Тянулись сладкие часы в обилье
сквозь страх пред этой жизнью обветшалою.
(Здесь и далее перевод К. Богатырева) [5, с. 16]

Рильке также показывает, что девушка невольно стала прислужницей царя, что ей было страшно, но, несмотря ни на что, она была покорна царской воле. И даже выражение «die süßen langen Stunden» («сладкие долгие часы») звучит не как «радостные часы», «часы наслаждения», а как нечто тягуче-мучительное.

Далее звучит «sie hielt sich» (дословно – «она держалась»), что снова подчеркивает это усердие совладать с собой и, отдавая себя, пойти навстречу своему предназначению и судьбе. Ависага послушно лежит на царском остывающем ложе, в предсмертном «холоде», но в то же время оставаясь прекрасной и чистой, словно душа:

Aber sie hielt sich an dem dunkeln Alten
und, von der Nacht der Nächte nicht erreicht,
lag sie auf seinem fürstlichen Erkalten
jungfräulich und wie eine Seele leicht. [4, с. 14]

Но ночь ночей не тронула рабыни.
Она не отпускала старика.
На царственной она лежала стыни
и девственна, и, как душа, легка. [5, с. 16]

Рильке использует выражение «der Nacht der Nächte» («ночь ночей»), что является типично библейской конструкцией (Песнь Песней, «царь царей», «раб рабов», «суета сует» и др.) и сразу же напоминает выражение, которым определяют Библию – «Книга Книг». Поэт, вероятно, хочет подчеркнуть тем самым величие ночи и то, что старый царь находится под ее властью, что она может забрать его жизнь в любой момент.

Во второй части диптиха на первый план выходит образ Давида, который, чувствуя приближение смерти, вспоминает и осмысливает свою жизнь, свои ошибки, удачи, поражения и победы. Он думает о том, что еще не успел сделать, воплотить в жизнь, и эти мысли очень печалат царя. Стараюсь передать эту печаль, поэт употребляет выражение «ungefählter Lüste» («неощутимых желаний»):

Der König saß und sann den leeren Tag
getaner Taten, ungefählter Lüste
und seiner Lieblichshündin, der er pflag. [4, с. 15]

Царь, сидя, вспоминал пустой до гла
день дел свершенных и страстей в подспудье,
собаку, что годами с ним жила. [5, с. 17]

Однако несмотря на последние часы жизни царя им на какое-то мгновение овладевает та самая слабость, за которую он когда-то прежде перенес много страданий, – пылкая страсть к красавицам, его влюбчивость. Незря Рильке выбирает фразу «Kundiger der Frauen» («знаток женщин»). Давида привлекает красота и чистота Ависаги. Но это длится недолго, ибо он осознает, что смерть немисливо близка. Примечательно, что царь уподобляется собаке, которая, истекая кровью, ждет своей смерти:

Und manchmal, als ein Kundiger der Frauen,
erkannte er durch seine Augenbrauen
den unbewegten, küsselosen Mund;
und sah: ihres Gefühles grüne Rute
neigte sich nicht herab zu seinem Grund.
Ihn fröstelte. Er horchte wie ein Hund
und suchte sich in seinem letzten Blute. [4, с. 15]

На миг он, избалованный любовью,
увидел сквозь свои седые брови
недвижный и нецеловавший рот.
Он знал, что чувств зеленая лозина
к его корням пути не обретет.
В ознобе он, как пес, что смерти ждет,
в своей крови искался пред кончиной. [5, с. 17]

Рильке переживает вместе со своими героями каждый миг. В этом стихотворении, как и во всем сборнике, за исключением некоторых текстов, позиция автора, являющаяся в то же время и позицией зрителя, четко зафиксирована. В результате читатель знает, чувствует и видит, с какой точки автор смотрит и передвигается. Когда читаешь стихотворение, создается ощущение собственного присутствия в покоях старого царя: чувствуется напряжение и страх девушки, влечение к ней царя и в то же время осознание им близкой смерти.

Следующим не менее ярким примером работы Рильке с библейскими образами является триптих, написанный в то же время, что и предыдущее стихотворение, в 1905–1906 гг., – «David singt vor Saul» («Давид поет Саулу»).

С первых строк создается ощущение присутствия рядом с певцом и арфистом Давидом, который поет царю Саулу, страдающему от головной боли

и приступов безумия, являющихся, согласно Библии, следствием наказания ему за отступление от воли Господней: «И когда дух от Бога бывал на Сауле, то Давид, взяв гусли, играл, – и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него» (1 Цар 16:23). В своей песне Давид говорит, что «звезды двигают [ведут]» («Sterne treiben»), указывая, вероятно, на то, что их встреча с Саулом и дальнейшее будущее не случайны, что на все это воля судьбы или Самого Бога. Он уподобляет себя и царя дождю, который оставляет после себя цветущие долины и новую жизнь:

König, hörst du, wie mein Saitenspiel
Fernen wirft, durch die wir uns bewegen:
Sterne treiben uns verwirrt entgegen,
und wir fallen endlich wie ein Regen,
und es blüht, wo dieser Regen fiel. [4, с. 16]

Царь, ты слышишь, как моя игра
дали расшвыряла, край за краем?
Вихрем нас относит к звездным стаям,
наконец, мы ливнем ниспадаем.
Там, где мы, всему цвести пора. [5, с. 18]

В этой песне будущего царя описывается весь путь, пройденный Давидом вместе с Саулом. Заглядывая в будущее, Давид желает все вернуть, но понимает невозможность этого:

Daß mein Klang dir alles wiederbrächte.
Aber trunken taumelt mein Getön:
Deine Nächte, König, deine Nächte –
und wie waren, die dein Schaffen schwächte,
o wie waren alle Leiber schön. [4, с. 16]

Все вернуть я музыкою прочу!
Но дрожит неверно взятый тон.
Эти ночи, царь, о эти ночи!
Помнишь, как в часы любви воочью
расцвела красота тех жен! [5, с. 18]

Давид также говорит о том, как обезумевший царь преследует его и неоднократно пытается убить, что соответствует библейскому тексту: «И было на другой день: напал злой дух от Бога на Саула, и он бесновался в доме своем, а Давид играл рукою своею на струнах, как и в другие дни; в руке у Саула было копьё. // И бросил Саул копьё, подумав: пригвожду Давида к стене; но Давид два раза уклонился от него. // И стал бояться Саул Давида, потому что Господь был с ним, а от Саула отступил» (1 Цар 18:10–12). В пес-

не Давида в стихотворении Рильке говорится, что первый царь имел все, но не смог все же устоять на том пути, по которому должен был следовать, служа Господу:

König, der du alles dieses hattest
und der du mit lauter Leben mich
überwältigst und überschattest:
komm aus deinem Throne und zerbrich
meine Harfe, die du so ermattest. [4, с. 17]

Царь, ты все это имел в избытке,
жизнью исполинскою своей
смял мои потуги и попытки –
так возьми же арфу и разбей:
ты ее уж обобрал до нитки. [5, с. 19]

Рильке говорит о переживаниях Давида, о том, как он остается ни с чем и сколько трудностей ему еще предстоит преодолеть. В то же время поэт указывает на пророческий дар Давида. Певец видит некое будущее, но многого не знает и не понимает, в его словах чувствуется особое напряжение, возможно, даже страх перед этим будущим:

Sie ist wie ein abgenommner Baum:
durch die Zweige, die dir Frucht getragen,
schaut jetzt eine Tiefe wie von Tagen
welche kommen – und ich kenn sie kaum. [4, с. 17]

... словно с дерева сорвал плоды.
И теперь в ветвях видна сквозная
даль времен, которых я не знаю,
дней грядущих светятся гряды. [5, с. 19]

В следующих строках просматривается уже некая насмешка, можно даже сказать – вызов. Давид говорит, что ему все подвластно и Саул не может запретить ему если не все, то очень многое. Будучи очень молодым, что Рильке подчеркивает (как и в случае с Ависагой), используя выражение «Knabenhand» («руки мальчика»), Давид все-таки способен на многое, что доказывает даже его знаменитая победа над Голиафом. Переводчик же решил сделать акцент на женском теле, вероятно, намекая на дочь Саула, которая безумно любила юного пастуха:

Laß mich nicht mehr bei der Harfe schlafen;
sieh dir diese Knabenhand da an:
glaubst du, König, daß sie die Oktaven
eines Leibes noch nicht greifen kann? [4, с. 17]

Запретил бы спать мне с арфой, право!
Иль другое мне не по плечу?
Иль ты думаешь, что я октавы
тела женского не ухвачу? [5, с. 19]

С каждой частью стихотворения эмоциональный фон нарастает. И вот уже в третьей части чувствуется большое напряжение, слышится некая угроза, превосходство Давида. Нескончаемые преследования Саула и его попытки убить будущего царя не приводят ни к чему, ведь, согласно Библии, Сам Бог охраняет Давида. Рильке использует такие слова, как «Finsternissen» («тьмы»), «Kalt» («холод»), «Zorn» («гнев»). Этим он усиливает эмоциональное воздействие на читателя, которому представляется нечто темное, мрачное, страшное, то, что отталкивает:

König, birgst du dich in Finsternissen,
und ich hab dich doch in der Gewalt.
Sieh, mein festes Lied ist nicht gerissen,
und der Raum wird um uns beide kalt.
Mein verwaistes Herz und dein verwornnes
hängen in den Wolken deines Zornes,
wütend ineinander eingebissen
und zu einem einzigen verkrallt. [4, с.18]

Царь, со мной во тьме играя в прятки,
все же ты теперь в моих руках.
Песнь мою не смять, не сморщить в складки,
только холод нас пробрал впотьмах.
Сердцем сирый я, а ты — заблудший.
Оба мы повисли в черной туче
бешенства, переплетаясь в схватке,
и друг в друга впившись впопыхах. [5, с. 20]

И далее Давид в своей песне старается призвать царя к миру, единению, образумить его, ведь только вместе они смогут творить великие дела. Рильке говорит: «Wenn wir uns nur aneinander halten» («Если мы держимся друг друга»). Лишь тогда можно превозмочь и победить любое горе, недуг и беду:

Fühlst du jetzt, wie wir uns umgestalten?
König, König, das Gewicht wird Geist.
Wenn wir uns nur aneinander halten,
du am Jungen, König, ich am Alten,
sind wir fast wie ein Gestirn, das kreist. [4, с. 18]

В этом единении чья заслуга?
Царь, мы в дух преобразили вес.
Нам бы впредь не отпускать друг друга –
юношу и старца – мчась по кругу
чуть ли не созвездьем средь небес. [5, с. 20]

В последних строках поэт высвечивает проблему отцов и детей, вечную проблему поколений, конфликт «юноши и старца», который веками не исчезает, длится поколениями, «мчась по кругу». Как известно, это явление актуально и в современности, оно не исчезло, и неизвестно, исчезнет ли вообще.

Таким образом, мы видим большую часть судьбы Давида в одном стихотворении. Очевидно также и подчинение древних сюжетов выявлению актуальных проблем современности.

Образ Давида был воспринят европейской культурой как образ вечного певца, как архетип поэта вообще. Поэтому, несомненно, Рильке вкладывает в этот образ такой же смысл и видит в нем самого себя.

Благодаря своему мастерству, необычайной пластичности и одновременно динамичности слова (что не всегда вполне удастся передать переводчикам) Рильке создает свой образ Давида, во многом соответствующий Библии, но и отличающийся неповторимой авторской индивидуальностью. Австрийский поэт изображает Давида в различных ситуациях, пытаясь показать разносторонность его личности: молодой певец, страдающий от гонений обезумевшего царя, но в то же время чувствующий свое превосходство; старик, который в последние свои дни осмысливает пройденную жизнь, глядя на молодую красавицу-служанку. В Давиде Рильке раскрывает и собственную душу, и собственную величайшую преданность поэзии, и величайшую любовь к жизни и красоте во всех ее проявлениях. Ведь, как отмечает Г. В. Синило, «он остро ощущал переломность своего времени, его катастрофичность, четко осознавал угрозу человеческому духу и всю жизнь стремился защитить его, не позволяя себе ни грана высокомерного снобизма по отношению к малому, незаметному, земному, не пятная себя ни малейшим пятном национальной ограниченности и шовинизма» [6, с. 692].

Литература

1. Гёте, И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда / И. В. Гёте // Собрание сочинений : в 10 т. М., 1976. Т. 3.
2. Ратгауз, Г. И. Райнер Мария Рильке : Жизнь и поэзия / Г. И. Ратгауз // Новые стихотворения; Новых стихотворений вторая часть. М., 1977. С. 373–419.
3. Синило, Г. В. Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета) / Г. В. Синило. М., 2008.
4. Rilke, R. M. Die Neue Gedichte; Der neuen Gedichte anderer Teil / R. M. Rilke. Leipzig, 1981.
5. Рильке, Р. М. Новые стихотворения; Новых стихотворений вторая часть / Р. М. Рильке; изд. подгот. К. П. Богатырев, Г. И. Ратгауз, Н. И. Балашов. М., 1977.
6. Синило, Г. В. Рильке / Г. В. Синило // Большой энциклопедический словарь / гл. науч. ред. и сост. С. Д. Солодовников. Минск, 2002. С. 692–694.